Юдит ГЕРМАН

УРАГАН

(*Something farewell*)[1]

РАССКАЗ

Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь». Можно в неё играть, если находишься вечером на Острове в гостях у Брентона, при этом нужно выкурить две-три сигареты и выпить ром-колы. Хорошо бы ещё, чтоб на коленях у вас спал местный ребёнок, и волосы его пахли песком. И небо должно быть высоким, лучше всего – полным звёзд, нужно, чтобы было очень жарко, может быть, даже душно. Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь», у неё нет никаких правил.

«Представь, – говорит Нора, – представь себе».

Радио передаёт сообщения о приближающемся урагане четыре раза в день. Каспар говорит, что когда ситуация на самом деле становится критической, сообщения передают каждый час. От жителей острова тогда требуют, чтобы они находились в специальных защищённых зонах, немцам предлагают оформить срочный вылет в посольстве США. Каспар говорит: «Я останусь на острове». Он хочет остаться, он думает, что весь Сноу и Стоуни Хилл будет искать у него приюта. Остров в зоне низкого давления и тропической депрессии. Нора и Кристина сидят на горячих досках веранды и задумчиво бубнят: «Тропическая депрессия, тропическая...»

Невыносимая жара. Над Голубыми Горами – неподвижные огромные белые облака. Ураган, названный метеорологами «Берта», вспучил небо где-то далеко, над Карибскими островами, он тоже остаётся неподвижен, собирает силы для Кубы, Коста Рики, и – для Острова.

Кот бьёт Лави, – позже напишет Нора Кристине. Кристина к тому времени уже успеет вернуться на материк, – *Кот бьёт Лави, Лави бьёт Кота, дорогая Кристина, ты в самом деле ни в чём не виновата. Каспар слишком много болтает, «ты мне нравишься», «ты мне нравишься», вырезает из куска дерева птицу, только один раз я смогла от него отцепиться, моя любимая Кристина, я так по тебе ску-чаю...* Кристина читает письмо, сидя за кухонным столом, поджав ноги к животу, со страницы сыплется песок. Она удивляется тому, что эти вещи действуют, при этом чувствует, что всё это уже слишком далеко, чувствует усталость.

Каспар знает, что в свой последний вечер на Острове Кристина поцеловала Кота. Они поехали на джипе вниз к Стоуни Хилл, «Давайте поедем на площадку Брентона, а?» – попросила Кристина, сделала большие невинные глаза и в конце концов уговорила Каспара. Ему нравилось, что она называет «площадкой Брен-

[1] Нечто прощальное (англ.).

тона» этот магазин. Деревянная хижина в посёлке, тень от хлебного дерева, можно пить коричневый ром, покупать поштучно сигары Craven-A, старики играют в домино, из радиоприёмника доносится какой-то протяжный свист. Ехали на джипе. Облака раздвигались, открывая взору перенасыщенное звёздами небо.

Брентон купил новый холодильник, Кристина выражала свой восторг. Она была взволнована, смотрела то и дело в окно, напряжённо вглядывалась в темноту, туда, где на краю поляны стояла скамейка Кота: «Сидит он там или нет?»

Каспар точно знал, что Кот там. Кот всегда там сидел, тем не менее Каспар сказал: «Без понятия», он наслаждался пугливой нерешительностью Кристины. Кристина нервничала, быстро пила коричневый ром, дёргала Нору за платье. Она убежала в темноту, а потом её видели сидящей на бамбуковой скамейке, она болтала в воздухе ногами.

«Потому что он щёлкнул своей зажигалкой», – сказала она позже, гордая своей сообразительностью. Каспар снова вспоминает светлые тени на её лице, на лице, которое только что с чем-то сливалось, когда он и Нора решили ехать домой и окликнули её, она сначала не отозвалась, потом, через несколько минут, сказала: «Да?» – сонным, глухим голосом, встала со скамейки и молча села в джип. Каспар знает, что она поцеловала Кота и наобещала бог знает чего. Каспар считает, что это нехорошо.

Нора и Кристина на Острове первый раз. Каспар не упускает случая, чтобы это не повторить, он это напевает про себя, и через неделю Нора раздражённо говорит ему: «Каспар, хватит уже».

«Вы так всему удивляетесь, – говорит Каспар, – каждой мелочи, вы посмотрите только на эти гуавы – а на это вечернее небо, оно какое-то смешное».

Кристина зевает, лёжа в гамаке, говорит: «Каспар, но ты ведь здесь уже давно, ты здесь живёшь, это же совсем другое дело», и Каспар торжествующе объясняет: «Вот поэтому я и говорю: Нора и Кристина на Острове впервые!»

Каспар больше не удивляется. Гуавы, манго, папайя, лимоны величиной с голову ребёнка. Кокосовые орехи, водяные орехи, лианы, азалии, пауки, которые скачут по комнате, как лягушки, маленькие ящерицы и ядовитые сороконожки. Аки-фрукт – выглядит, как яблоко, а на вкус – как яичный желток. Манго разрезают посередине и едят ложкой. «Хотите пить?» – заботливо спрашивает Каспар, приносит из сада водяной орех, раскалывает его, наливает белую молочную жидкость в стаканы. «Хорошо», – говорит Нора, делает всё-в-первый-раз-гримасу, говорит: «Каспар, прекращай наблюдать за мной».

Кристина собирает со стола скорлупу кокосовых орехов, чёрные ракушки, косточки фруктов, пальмовые листья, спички, крылышко бабочки. «Что ты хочешь с этим сделать?» – спрашивает Каспар. «Показать своим домашним», – говорит Кристина. «Им это будет неинтересно», – говорит Каспар.

После того, как приехали Нора и Кристина, Кот стал приходить к Каспару каждый день. Кот старается подружиться с Каспаром, помогает ему на ферме. Каспара удивляет это упрямое постоянство: Кот каждое утро, несмотря на дикую жару, собирает в рюкзак манго, папайи и лимоны, несёт их в дом, молча выкладывает на стол, после этого садится на веранде и замирает. Каспар наблюдает за Котом. Кот сидит, откинувшись на спинку голубого стула, глаза, как всегда, полуприкрыты, он курит гашиш, играет зажигалкой и смотрит на Нору и на Кристину. Их это не касается, они ничего не замечают, очень жарко, они слишком заняты собой, чтобы чувствовать, что происходит с кем-то другим. По утрам они пьют чёрный кофе без сахара, выкуривают одну за другой пять сигар Craven-A, клянчат у Каспара

водяные орехи, всё время им хочется что-то делать, они бегут вниз по склону, пропадают из виду. Каспар чувствует, что они его сторонятся, это его злит, он хотел бы, чтобы Нора больше времени была с ним, в конце концов, ради этого она и приехала. Он говорит: «Когда-то». Говорит: «Ты ещё помнишь», «мы», «когда-то мы с тобой в городе» – такие смешные слова, Кристина презрительно поднимает брови, Нора смотрит куда-то в сторону.

«Было, было, Каспар», – говорит она и целует его в щёку, возможно, она хочет, чтобы они теперь были просто друзьями, а может, и этого уже не хочет.

«Тогда зачем вы вообще приехали?» – спрашивает Каспар, Нора небрежно отвечает: «Потому что я хотела тебя увидеть. Как ты тут живёшь, изменился ты или нет».

«И что, я изменился?» – спрашивает себя Каспар. «Разве я сюда приехал для того, чтобы *измениться?*», – он не может ответить на этот вопрос, обижается, чувствует себя брошенным.

Каждый день Кристина и Нора ездят на джипе вниз на какой-нибудь пляж. «Каспар, поедешь с нами?» Каспар остаётся наверху, так же, как Кот, которого никто и не спрашивает, и он неподвижно сидит на голубом стуле. «Ладно, тогда до скорого», – в голосе Норы не слышно ни капельки разочарования, она выруливает с поляны на узкую песчаную дорогу, Кристина преувеличенно энергично машет рукой, ещё две-три минуты слышен звук мотора, а потом становится тихо.

Каспар лежит в гамаке, смотрит сквозь петли на Кота, который отставляет в сторону левую ногу, придвигает правую, чешет голову и снова замирает. Он до вечера будет сидеть, пока Нора и Кристина не вернутся. Он дождётся ужина, и наверно, ещё и на ночь тут останется, вчера он уже так оставался, спал в кухне на старом диване. Это тоже что-то новое – Кот ночует у Каспара. Каспару это не в тягость, островитяне приходят, без спроса остаются день, два – и уходят, Брентон бы ничего не сказал в этом случае. И Каспар тоже ничего не говорит Коту. Но ему хочется знать, о ком Кот думает. О Кристине или о Норе? О Кристине?

Кристина и Нора смотрят на Кота. На то, как он ест. Кот всё ест с одинаковым выражением на лице, мужественное движение-вилки-ко-рту, немного склонившись к тарелке, его левая рука неподвижно лежит на столе, в правой – вилка, он ест всё, что дают, невозмутимо, никогда не говорит «вкусно», или «какой странный вкус»; «Он ест, потому что голодный, – думает Кристина, – потому что еда успокаивает голод, это единственная причина», – она смотрит на него, он иногда тоже смотрит на неё своими узкими глазами, пока она не отводит взгляд. Она наполняет его тарелку рисом, хурмой, солёной рыбой, ей это нравится – накладывать пищу в тарелку Кота.

Вечера какие-то долгие, Кристина становится беспокойной. Нора лежит в гамаке и играет на дудочке. Долгие, глуховатые, вибрирующие звуки улетают в ночь. Она так может часами играть, волнение Кристины ей не передаётся. Кристина ходит по веранде, скрестив руки на груди, туда-сюда, нервная, ей скучно: «Каспар, почему ты живёшь здесь?»

Каспар в саду, поливает азалии, Кристина в двух метрах от него, прислонившись к колонне веранды, смотрит на него очень серьёзно. Каспару не нравится, когда ему задают подобные вопросы. Ему не нравится беспокойство, которое распространяет Кристина, всё же он говорит: «Думаю, потому, что я здесь чувствую себя счастливым. Счастливее, чем в другом месте, вот что я имею в виду».

«Почему?» – говорит Кристина, пытается выслушать его, хотя ей уже стало скучно.

«Да ты оглянись вокруг», – говорит Каспар, выпрямляется и указывает рукой на джунгли, на море, на костёр в горах, на оранжевые блики гавани. Кристина прослеживает его взгляд, Каспар вспоминает, как она в первый вечер после приезда сидела на корточках на террасе, охватив руками колени, уставившись в темноту, очень долго сидела и очень тихо.

А теперь она упрямо говорит: «Да, я понимаю. Но тебе должно чего-то недоставать. Осени, к примеру, снега, других времён года, ты ведь нездешний. Я имею в виду, что ты должен, по идее, скучать по городу, по своим друзьям, по твоей старой квартире, ты разве по всему этому не скучаешь?»

«Нет, не скучаю», – говорит Каспар, в голосе его сквозит раздражение. Кристина соскальзывает с веранды вниз, идёт вслед за ним. «О чём они тут говорят, Каспар. Я не хочу всю жизнь вести разговоры о папайе и хлебном дереве. О манго. О сексе, о детях».

«Ты и не должна», – говорит Каспар, и Кристина говорит: «Нужно что-то решить наконец», поворачивается и уходит с лужайки.

«Кристина! – кричит ей вслед Каспар, – завтра приедет дельтапланерист!» Попытка помириться. «А когда уже прилетит чёртов ураган?» – кричит ему в ответ Кристина.

Дельтапланерист появляется очень рано, но островитяне успевают к этому времени собраться. Должно быть, они вышли из дому на рассвете. Когда маленькая красная машина дельтапланериста въехала на гору, вся община Стоуни и Сноу Хилл уже собралась на веранде, все молча сидели и ждали. «Flyman», – говорит Кот, он, как всегда, восседает на голубом стуле, заливается смехом, Кристина краем глаза наблюдает за ним. Нора сидит на корточках в тени, курит сигару Craven-A и пьёт чёрный кофе, flyman раскладывает на лужайке пластиковые крылья, собирает каркас, обливаясь потом, ударяя металлом о металл.

Жарко. Солнце висит низко, нет ни ветерка, ни дуновения. Каспар думает о том, как дельтапланерист будет спускаться, вдоль склона горы – до самой бухты, он снял стоянку такси – специально для своих приземлений.

Flyman надевает шлем и залезает в нечто похожее на спальный мешок, «летательный мешок», – думает Каспар, дельтапланерист теперь выглядит, как огромное рассерженное насекомое, которое вот-вот вылезет из своего кокона. По веранде распространяется оживление.

«Flyman fly», – тихонько напевает Нора, Кристина сидит на корточках рядом с ней, хихикает, в небо поднимаются орлы, в море вдали виднеется какой-то корабль. Кот тихонько отгоняет муху, закрывает глаза. Flyman бежит, под его мешком шелестит трава. Дельтаплан поднимается в воздух, почтительный ропот проходит по рядам жителей Стоуни и Сноу Хилл, орлы парят высоко в небе. Flyman вдруг начинает сильно дёргаться, мешок трещит, дельтаплан пролетает ещё три-четыре метра и с глухим стуком падает в тростник, растущий на краю лужайки.

Кто-то встаёт и идёт в дом. Кристина говорит: «Пойду приму душ», утро незримо переходит в полдень. Корабль приближается к гавани. Нора стоит на кухне, выдавливает сок из манго и гуав, колет лёд. Кристина поёт под душем, Кот на голубом стуле склоняет голову, открывает глаза. Островитяне проходят вместе с Каспаром за дом, чтобы посмотреть на новых коз, с гор начинает дуть небольшой ветерок.

Flyman делает новую попытку, дельтаплан потрескивает и поднимается в воздух. Поднимается на один метр, потом на два, переливается синевой, поднимается выше и скользит по прямой красивой линии над лужайкой, над джунглями, скользит вверх, всё выше и выше. Только Кот его видит, пара маленьких крылышек над деревьями, солнечный свет вспыхивает точкой на его каркасе, лишь на мгновение, и он исчезает, сливаясь с синевой моря; Кот видит, что корабль уже почти вошёл в гавань, белое грузовое судно с бананами, плывущее в Англию.

«Нужно научиться ждать», – говорит вечером Кот. Нора и Кристина сильно разочарованы тем, что не увидели, как flyman взлетел. «Даже самых маленьких событий», – говорит Кот. Кристина смотрит на него, Кот говорит с ней первый раз, она не знает, должна ли она воспринимать эти его слова как оскорбление. Она говорит: «Что это значит – маленькие события?», Кот ничего не отвечает, а Каспар смеётся и говорит: «Slow motion. Like a ship over the ocean»[2]. Обиженная Кристина быстро покидает кухню.

Сообщения об урагане передаются теперь уже двенадцать раз в день. На Коста Рике началась эвакуация, на Острове немцы звонят в посольство и заказывают билеты на срочные рейсы в США. В центре циклона, по словам Каспара, всегда спокойно. Каспар покупает спирт, свечи, бензин, йод, вату и бинты, мясные консервы, рис.

«Если ураган сюда придёт, – говорит Кристина, – я не смогу улететь домой». Нора молчит, она всё равно решила оставаться.

Кот ждёт семнадцать дней. На восемнадцатый день он быстро встаёт с голубого стула и хватает Кристину за руку. Она шла в дом с писчей бумагой и ручкой в руках, в зубах у неё сигарета.

«Ты мне нравишься», – говорит Кот. Голос у него хриплый, но кажется каким-то неиспользованным, что ли. Кристина стоит неподвижно, свободной рукой вынимает сигарету изо рта и смотрит ему в глаза. Длинные загнутые ресницы, белки глаз, жёлтые от постоянного курения гашиша, его лицо очень близко, Кристина встряхивает головой – от него хорошо пахнет.

Он повторяет: «Ты мне нравишься», Кристина вдруг начинает смеяться, говорит: «Да. Я знаю», – отнимает у него свою руку и идёт в дом.

Каспар говорит: «У Кота есть жена и ребёнок».

Кристина сидит на террасе, босая, колени, как обычно, поджаты к животу, срезает остатки мякоти манго с косточки, говорит: «Я знаю. Брентон мне сказал».

Каспар говорит: «И что ты будешь делать теперь, когда ты это знаешь?»

Кристина выпускает из рук косточку, смотрит сердито, говорит: «Ничего. Что я должна делать – я просто это знаю, и всё. Мне это безразлично».

Каспар говорит: «Его жену зовут Лави. Её сейчас нет. Две недели назад она вернулась к своим родителям, потому что Кот закрутил с другой девушкой».

Кристина гладит косточку, облизывает пальцы, смотрит на бухту отсутствующим взглядом: «Брентон сказал: Кот это будет отрицать».

Каспар вырывает у неё косточку из рук, ждёт её возмущения, но Кристина не реагирует. Косточка падает в траву. Каспар говорит: «Речь не об этом», ему хочется прокричать это Кристине прямо в ухо, ему кажется, что она его не слушает. «Лави собиралась вернуться через неделю, но до сих пор не вернулась. Кот ждёт. Врёт он – или не врёт, но он ждёт, понимаешь. Ждёт свою жену, своего ребёнка».

[2] Медленно, как корабль, скользящий в океане (англ.).

«Маленьких событий», – говорит Кристина, как бы с цинизмом, а потом смотрит на Каспара с детской наивностью: «Он никогда не пойдёт просить, чтобы она вернулась, правда?»

«Да, – говорит Каспар. Потому что так не принято. Он за ней не пойдёт, но он ждёт её. Когда она придёт, он вернётся домой». Кристина поднимает косточку из травы, чувствует боль в животе, которая сразу проходит. «Он сказал, что я ему нравлюсь», – говорит она.

«Я знаю», – говорит Каспар и встаёт. «Ты – то, что они здесь называют «white lady»[3]. Дело не в тебе, а в цвете твоей кожи. Лучше тебе держаться в стороне от всего этого». Кристина передёргивает плечами, кладёт голову себе на колени. Корабль, гружённый бананами, неделю не покидает гавани. Каспар гадает, не связано ли это с ураганом; бананы давно уже выгрузили, матросы драют палубу, потом лежат в тени, сидят в барах, неподвижные и молчаливые. У них монголоидные лица, почти как у эскимосов, круглые и смуглые, узкие глаза. Нора и Кристина сидят на пирсе и смотрят на огромный белый корабль, матросы на верхней палубе, несмотря на жару, в красных куртках с капюшонами, натянутыми на головы.

«Они плывут в Коста Рику и на Кубу», – говорит Кристина. «А потом – через Америку в Европу, я бы с удовольствием прокатилась разок на таком корабле. Прямо сейчас бы и поплыла. Можем спросить, не возьмут ли они нас».

Нора молчит, смотрит на матросов, ей хочется взглянуть им прямо в глаза. Кристина кладёт голову Норе на плечо, чувствует, что вот-вот расплачется.

«Ах, Кристина», – говорит Нора. «И это называется отпуск. Просто поездка, понимаешь? И больше ничего. Ты собираешь чемодан, а через три-четыре недели ты выкладываешь из него вещи. Ты приезжаешь, остаёшься там какое-то время и уезжаешь, но не это делает тебя несчастной. Вскоре ты полетишь домой, мы не поплывём с этим кораблём ни на Кубу, ни на Коста Рику».

«Ты уедешь со мной?» – спрашивает Кристина. «Нет, – говорит Нора. – Я ещё немного побуду с Каспаром». Кристина, глядя в сторону, говорит: «Собственно говоря, а зачем это тебе?» Закрывает глаза.

Нора пожимает плечами. «Может, мне жаль его? Может, я чувствую себя перед ним в долгу? Может, мне кажется, что ему необходимо общение? Я сама не знаю. Просто остаюсь, и всё».

Кристина повторяет за ней: «Просто остаёшься», – а потом смеётся, говорит: «Беллафонте, *Jamaica farewell*, знаешь? Sad to say, I'm on my way, won't be back for many a da-ay»[4].

«My heart is down, my head is turning around»[5], – поёт Нора, а потом хихикает: «Кот. А что же будет с Котом?»

«Не знаю», – говорит Кристина. «Я приезжаю, живу, потом уезжаю. Что тут ещё может быть».

Когда вечером Кот подсаживается на веранде к Кристине, Каспар и Нора встают, идут в дом и закрывают за собой дверь. Кристина удивлённо оглядывается, хочет что-то сказать, но не говорит. Кот молча сидит рядом с ней, Кристина тоже молчит, они смотрят на лужайку, вдали что-то горит, ветра нет, Кристина чувствует, как Кот кладёт руку ей на голову, стягивает с волос резинку, волосы падают ей на плечи. Кот наматывает прядь себе на палец, потом распрямляет её, гладит, у Кристины по коже бегут мурашки. Кот обнимает её шею. Кристина склоняет голову и закрывает глаза, рука Кота тихонько нажимает на шею, у неё кружится

[3] Белая леди (англ.).

[4] «Прощай, Ямайка!» – знаешь? Я уезжаю и нескоро вернусь (англ.).

[5] Моё сердце упало, голова закружилась (англ.).

голова. «Нет, – говорит Кристина, – нет». Она встаёт и забирает у него резинку для волос, Кот тихо смеётся, шлёпает себя по бёдрам. На кухне сидят Нора и Каспар, молча, с напряжёнными лицами. «Большое вам спасибо», – говорит Кристина. «Спасибо большое, но это было не нужно, чёрт подери!» Она захлопывает за собой дверь, закрывает её на засов.

«Повезло», – говорит Каспар. «Кому повезло, Кристине или Коту?» – спрашивает Нора.

Через два дня возвращается Лави. Она совершенно неожиданно появляется на холме и стоит там, её сопровождают две женщины, одна держит над ней зонтик, другая держит на руках ребёнка. Лави стоит неподвижно, смотрит на дом. Кот сидит на голубом стуле, глаза, как всегда, наполовину прикрыты, непонятно, видит ли он её. Нора и Кристина, собравшиеся на пляж, стоят возле джипа и смотрят на Лави. «Это – она», – думает Кристина, затаив дыхание. Женщина упрямо продолжает держать над Лави зонтик. Лави вперилась глазами в дом и стоит, скрестив руки на груди, подойти ближе она не пытается. Кажется, Кот способен всё это выдержать. Нора и Кристина стоят неподвижно. Кот вдруг встаёт со стула, спрыгивает с веранды и идёт прямо на Лави с ожесточённым лицом, он делает пять шагов, семь, двенадцать, Кристина считает. Он останавливается прямо перед Лави.

Белый зонтик слегка покачивается. Лави что-то говорит, Кот что-то ей отвечает. Они стоят друг перед другом. «Что она сказала, что она сказала?» – шепчет Кристина. «Я не поняла», – говорит Нора.

Кот разворачивается и идёт домой. Лави смотрит теперь на Нору и Кристину. «Она колдует!» – шепчет Нора, хватая Кристину за руку. Кристина слышит, как часто бьётся сердце. Лави хватает зонтик, быстро складывает его, женщины качают бёдрами и исчезают мгновенно, так же, как и появились.

Кот сидит на голубом стуле. Кристина каждые пять минут выходит на веранду, ходит вокруг него, поливает азалии, носит в дом водяные орехи. Кот не реагирует. Так он сидит два часа, потом встаёт и молча уходит за дом. Кристина знает, что он идёт в Стоуни Хилл по кратчайшему пути, по которому может идти только тот, у кого в руке мачете и в душе – ярость.

Игра называется «представим-себе-чью-то-жизнь». В неё можно играть, если сидишь вечером у Брентона, на ступеньке лестницы, ведущей в его магазин, в темноте, с сигаретой и со стаканом ром-колы. Если держишь на руках маленького спящего ребёнка, курчавые волосики которого пахнут песком. «Представь, – говорит Нора, – что это твой ребёнок у тебя на руках, он устал от долгого жаркого дня. Кот – твой муж. Он играет в домино, попивает ром. Ты качаешь ребёнка и ждёшь, пока он не наиграется, тогда вы идёте домой по улице Стоуни Хилл, фонарей нет, над вами только звёзды. Кот несёт ребёнка, идёт впереди тебя, он, разумеется, очень сильный, потому что работает целый день в поле. Итак, вы идёте ночью, сквозь джунгли, порой он должен прокладывать путь своим мачете, и это каждый раз производит на тебя впечатление». Нора задерживает дыхание, Кристина шаркает ногой и нетерпеливо произносит: «Дальше!»

«Итак», – говорит Нора. «Конечно, вы друг с другом не разговариваете, да и о чём тебе с ним говорить. Он лучше всех режет коз, он самый крепкий работник, у него есть хижина в горах, под матрасом припрятано немного денег. Это уже кое-что. Ты счастлива, живя с ним, ещё и потому, что тебе завидуют все женщины

посёлка. Придя в свою хижину, вы укладываете ребёнка и потом спите друг с другом. Вероятно, в темноте. После этого ты засыпаешь, а завтра наступает новый день, и ты уже вообще не помнишь, что когда-то было что-то другое».

Кристина курит, слушает и смотрит на Кота, играющего в домино, он иногда тоже поднимает глаза и смотрит на неё, усмехается. Нора смачивает слюной комариные укусы, растирает, говорит: «Ну, давай. Твоя очередь».

«А когда все уходят, – говорит Кристина, – ты целуешь Брентона, выключаешь радио, закрываешь в магазине все окна и становится тихо. Вы убираете стаканы, бутылки, считаете выручку. Вы решаете, что купить прежде: ещё один холодильник – или портативный телевизор, о котором вы давно мечтаете. Брентон хороший муж. Он продаёт ром, сигары, хлеб, пластырь, бумагу и карандаши. Люди говорят, что под матрасом у него припрятана кругленькая сумма, от тебя он это не скрывает. Брентон мягкий, он ещё ни разу не ударил человека; ещё люди говорят, что он у тебя под каблуком. Всё как обычно: он тебя очень любит, а больше всего – твои волосы. Вы выгоняете из хижины кур, впускаете собак, выкуриваете ещё по одной сигарете и после этого гасите свет. Я думаю, вы спите на маленьком раскладном диване, там, в глубине магазина; ребёнок, я не знаю, может быть, в правом ящике под стойкой. Брентон прижимается к твоей спине, его руки обвивают тебя, и ты засыпаешь. И всё хорошо».

Нора смеётся, Кристина толкает её плечом, ребёнок у неё на руках дышит тихо, шевелит ручками во сне.

Ураган проносится над Коста Рикой, рушит отели, устраивает наводнение, погибают два рыбака. После этого он возвращается в море и останавливается в двухстах километрах от Острова. Кристина сидит у подножья холма и осматривает горизонт. Радио по-прежнему передаёт предупреждение об опасности двенадцать раз в день. Клубы пусты, по словам островитян, все туристы уже несколько дней как покинули остров. Из посольства звонят и спрашивают, не хочет ли Каспар вылететь в Штаты. Каспар отвечает, что не хочет. Он нервничает. Меньше, чем обычно, работает на полях своей фермы, вместо этого чинит крышу дома, ставни, складывает в погребе водяные и кокосовые орехи. Жители Стоуни и Сноу Хилл приходят с корзинами на головах и составляют эти корзины в его доме.

«Я хочу, чтобы он пришёл», – говорит Кристина, сидя у подножья холма. Она заслоняет глаза ладонью, небо белое и безоблачное. «Я хочу, чтобы он пришёл, чёрт бы его побрал».

«Когда он придёт, ты от страха наделаешь в штаны, чёрт бы тебя побрал», – говорит Каспар, стоящий за её спиной, он смотрит на её загорелую шею, на шелушащиеся плечи. «Ураган – это не телешоу. Ураган – это кошмар. Ты хочешь, чтобы тебя что-то избавило от необходимости принятия решений. Но, пожалуйста, – пусть это будет не за счёт всего Острова, не за мой счёт».

Кристина быстро поворачивается к нему. У неё преувеличенно удивлённое лицо. Каспар бледнеет, кусает губы.

«Послушай, – тихо и злобно говорит Кристина, – что ты такое несёшь, а?»

«Я звонил в твою авиакомпанию», – шепчет Каспар в ответ. - Ты можешь запросто вылететь через два дня, они летают до конца недели, и только тогда, когда ты вернёшься домой, тогда только у тебя всё это и пройдёт».

Кристина не отвечает. Трава под её мокрыми ступнями жёсткая и колючая. Я бы хотела иметь такие подошвы, как у Кота, – думает она, – как скорлупа, и ходить тогда не больно. Нора стоит на веранде и наблюдает за ней, Кристина сидит неподвижно, Нора поворачивается и уходит в дом.

Конечно, Кристина поцеловала Кота в этот последний вечер. Каспар не хотел ехать к Брентону, а Кристина хотела, и Нора хотела, и они поехали. Каспар вёл джип по каменистому спуску. Тьма была кромешной, и в ней – этот невыносимо яркий свет дальних фар; огромная ночная бабочка, распластавшаяся по ветровому стеклу, Кристина в страхе схватила Нору за руку. Внизу, у Брентона, были дети, наигравшиеся в футбол, старики со своим домино, Брентон купил новый холо-диль-ник, Кота нигде не было видно.

Кристина была грустной и взволнованной, она нервно разглядывала чёрные лица, ей хотелось побыстрее выпить коричневого рому. «Краси-и-и-вый холо-дильник, Брентон», – и Брентон смеялся, он был горд и то и дело совал бутылки с кока-колой в морозильную камеру, где они через минуту превращались в коричневые толстые ледышки. «Кот здесь?» – спросила Кристина и умоляюще глянула на Каспара. Каспар промолчал. Нора предположила, что Кот сидит на бамбуковой скамейке; там и вправду то ли кто-то сидел, то ли так легла тень.

Кристина пила ром, курила одну сигару за другой и была явно не в силах воспринимать разговоры. Из темноты несколько раз донёсся тихий металлический звук. Кристина поняла только на четвёртый раз, выбежала из дома, к бамбуковой скамейке. «Кот?» Белозубая улыбка Кота, Кристина села возле него, не дыша, с сильно бьющимся сердцем, прильнула к нему, не говоря ни слова.

Нора и Каспар сидели, освещённые лампой, на ступеньках у входа в магазин. Брентон занимался холодильником, дети сидели на корточках вокруг Норы, дотрагиваясь до её длинных прямых волос.

«Ты приедешь?» – спросил Кот, и Кристина, не раздумывая, сказала: «Да», ей ничего не стоило соврать, прильнув к нему, она пыталась понять, чем он пахнет на самом деле – бензином, землёй, ромом, гашишем? Чем-то незнакомым, чужим. Старики стучали о стол костяшками домино, ребёнок взобрался к Норе на колени. В самой сердцевине мира была какая-то трещина. Кристина болтала ногами, а потом Кот взял её голову двумя руками и поцеловал. Она с удивлением отметила, что его челюсти при этом хрустнули, и что «представим-себе-чью-то-жизнь»-игра прошла через её мысли, как полоска красной бумаги. Целуясь с Котом, она думала, что её рот слишком мал для его рта, челюсти Кота хрустнули, глаза его во время поцелуя были широко открыты, он смотрел на магазин, и когда Брентон заметил их, Кот отстранился от Кристины. Каспар сразу заговорил с Брентоном, Нора украдкой вытянула шею, Кристина знала, что она пытается разглядеть то, что происходит на бамбуковой скамейке.

«Когда ты вернёшься, наступит наше время, да?» – спросил Кот, и Кристина ответила: «Ясное дело, тогда наступит наше с тобой время», – она врала, и при этом думала об Острове. Жила бы она тогда в доме Кота или в другом доме? А что тогда Лави? А их ребёнок? Четыре недели? Или пять? Она поцеловала Кота и осторожно дотронулась пальцем до его руки. Ром, оставшийся в стакане, был сладким и жёг горло. Кристина подумала, что пить ром у себя дома и на Острове – это разные вещи. Она услышала, как Каспар выкрикивает её имя. Кот крепко прижал её к себе, по-прежнему не закрывая глаза, Кристина освободилась и крикнула: «Да?» – голосом, который ей самой показался чужим. Кот с ней не попрощался, она вскочила со скамейки и села в джип, Каспар посмотрел на неё с осуждением, она отвернулась.

Такси должно приехать в четыре утра. До трёх часов Кристина надеется, что в комнате появится Нора с заспанным лицом и скажет: «Кристина, я улетаю с тобой».

Но она не приходит. Кристина сидит на диване, засыпает и снова просыпается, за окном воет ветер, открыть ещё раз дверь, ещё раз выйти на веранду – голубой стул Кота, – всё это уже из области невозможного. Кристина пишет Норе записку, засовывает её в дудочку. В четыре часа по чёрному холму скользят круги света, это фары такси, над морем вскоре взойдёт солнце. Кристина кладёт рюкзак в багажник, садится на переднее сидение, пристёгивается ремнём безопасности. Водитель такси слишком устал, чтобы заводить разговор, он только спрашивает: «В аэропорт?», Кристина кивает и закрывает глаза.

Ураган прошёл мимо, – напишет позднее Нора Кристине, – *теперь целыми днями светит солнце, рис, который Каспар припас, мы уже весь съели. Кот о тебе скучает, говорит, что ты скоро приедешь, я говорю ему – да.*

Перевод с немецкого Александра Мильштейна